

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

БАЛ

I

Необыкновенной мощности, багроволицая, несмотря на щедрый слой пудры, с дюжим носом и круглыми ястребиными глазами, адмиральша Берх, энергично действуя веером в направлении складчатой шеи и низко декольтированных широких жирных плеч, басом говорила полковнику Сколкову:

— Но послушайте, как адъ-ю-тант светлей-шего, должны же вы были от него слышать его мысли вслух!.. А то мы ведь так и не знаем, можно ли нам, слабым существам, оставаться здесь, в Севастополе, или убираться отсюда, пока в нас не начали стрелять!.. Вон адмирал Корнилов свою Лизавету Васильевну еще в июле в Николаев отправил со всеми чадами... Правда, она ходила беременная пятым ребенком, ей всякая там эта стрельба с кораблей английских вредна, конечно... Ну а для нас чем она может быть полезна?

В сияюще белом кителе, как, впрочем, и все другие офицеры в этом зале, молодой, ловкий и самоуверенный, хорошего роста и еще лучшего на вид здоровья, полковник Сколков, почтительно наклоняясь к адмиральше, но глядя больше на ее племянницу м-ль Катрин, отвечал, улыбаясь:

— Предосторожность, конечно, никогда не мешает, но князь даже и сегодня еще нам говорил, что он десанта союзников не ждет.

— Вот тебе раз: не ждет! Князь может его не ждать, разумеется, на то его воля, однако известно ведь всем, что десант уже три дня стоит у Змеиного острова, — возмущенно пробасила адмиральша, оглянувшись при этом влево и вправо.

— Что же, что он стоит у Змеиного острова! — снова улыбнулся Сколков.

— Постоит, может быть, и еще неделю, потом вернется опять в Болгарию.

— Что-о? Как вернется? — выкатила глаза адмиральша. — Зачем же он выходил в море, если вернется? Это, может быть, ваше личное мнение, а не князя?

8 — Да-а, между прочим князь высказывал и такое предположение, — невозмутимо продолжал Сколков. — Есть известие, что армию просто вывезли из Варны как из места, зараженного холерой.

— И от холеры их набили битком на суда и вывезли в море? Чтобы удобнее было покойников в море швырять?.. Ну, признаюсь, батюшка, такой глупости мы с вами едва ли дождемся от англичан и французов!

— От холеры они ведь вообще не знают, как избавиться, а между тем армия тает и тает без всяких сражений. Маршал Сент-Арно послал против наших войск генерала Канробера в Добруджу, а через месяц в ту же Варну вернулось из тридцати тысяч войск французских только двадцать: десять тысяч легли там, в болотах... Погибли совершенно бесполезно и для Франции, и даже для теории войн, потому что не удалось им даже и увидеть ни одного нашего казака. Вообще надо сказать, что союзникам не везет. Вы говорите: зачем было сажать армию на суда? Но ведь Варна почти вся сгорела от ужасного пожара, о каком недавно писали в газетах!

— А-а, это что подожгли греки?

— Греки или не греки, только Варна сгорела. Осталось лишь одно имя, а Варны уж никакой нет. И если бы пороховые погреба не отстояли войска, то и некого было бы сажать на суда после взрыва, потому что...

— Это все вы лично так говорите или князь так говорит? — бесцеремонно перебила адмиральша, настолько уже тяжело дыша и выпучив глаза, что Катрин, хорошенькая блондинка, нашла нужным вмешаться:

— Тетю занимает один только вопрос: пора уж нам уезжать из Севастополя или мы можем пока оставаться здесь?

— Ну конечно же, я ведь сама именно так и сказала, — подтвердила адмиральша, — а все эти рассуждения меня занимают гораздо меньше!.. Это дело князя, это дело Станюковича, Корнилова, Нахимова, моего мужа и прочего начальства... Что князь говорит, это я и без вас знаю от мужа; мне только хотелось бы знать, что он думает!

На это адъютант Меншикова, командующего всеми сухопутными и морскими силами Крыма, улыбнувшись Катрин и несколько понизив голос, проговорил:

— Князь старается думать так и то, что думают по этому вопросу там, в Петербурге.

И при слове «там» наклоном хорошо сработанной головы с безукоризненным английским пробором в темных волосах очень точно указал на север, так как далеко не в первый раз был в этом бальном зале, теперь совершенно переполненном разряженными дамами и офицерами гарнизона и флота.

Было по старому стилю 30 августа 1854 года. В этот день, как всегда, праздновали память «святого благоверного князя Александра Невского». Со времен императора Павла этот день считался днем «царским», так как в этот день непременно бывал именинником или наследник

престола, или сам царь. Теперь именованным был наследник, шеф Бородинского полка, а по давним полковым традициям этот праздник знаменовался балом.

Бородинский полк, отправившись пешим порядком из Нижегородской губернии еще осенью 1853 года, прибыл в Севастополь в мае 54-го, и ему не было отведено казарм.

Солдаты помешались в лагере на Бельбеке, верстах в шести от города. Они явились на обедню, молебен и парад к Михайловскому собору, прошли церемониальным маршем перед светлейшим и его свитой, получили от него поздравление с праздником, ответили: «Покорнейше благодарим, ваша светлость!» — и ушли в свой лагерь снова.

Офицерство же деятельно готовилось к балу в приспособленном для балов, вечеров и приемов высочайших особ роскошно отделанном доме Дворянского собрания, стоявшем около Графской пристани.

Танцевальный зал в этом собрании был обширный, в два этажа, облицованный белым мрамором, с пилястрами и колоннами из розовых мраморных плит. Свет в этом зале был верхний, двери из красного дерева, отделанные бронзой.

В бильярдной комнате и нескольких кабинетах, окружавших зал, были дорогие обои — розовые, голубые, зеленые, с золотым тиснением.

И по архитектуре это было красивейшее здание Севастополя, в котором в те времена было все-таки немало больших и красивых зданий.

Библиотека морского ведомства, собранная трудами адмиралов Лазарева и Корнилова, помещалась тоже в обширном и красивом доме, а на площадку над нею, на которой установлены были оптический телеграф и телескоп, вела мраморная лестница, украшенная сфинксами прекрасной работы.

Главные улицы Севастополя, единственные замощенные булыжником — Екатерининская и Большая Морская, — сплошь почти состояли из вместительных двух- и трехэтажных каменных домов — признак того, что Черноморский флот пользовался особым благоволением правительства, и офицерство в нем было богатое, около него могли наживать капиталы, раскидисто строиться и вполне благоденствовать купцы.

Даже форты, охранявшие Севастополь от нападения чужого флота, издали казались не только колоссальными сооружениями, но со своими круглыми башнями по углам были похожи на средневековые замки несокрушимой мощи.

В то время как адмиральша Берх выпытывала тайные мысли Меншикова у одного из его адъютантов, другие дамы атаковали с тою же целью другого адъютанта светлейшего, двадцатисемилетнего конногвардейца, штаб-ротмистра Грейга.

— Самойло Алексеич! Скажите, как решено князем — выйдет наш флот сражаться с флотом союзников? — искательно спрашивала в кру-

10 гу гораздо более молодых, чем адмиральша, дам жена капитана 2-го ранга Сулова, мать четверых детей.

— Поверьте, что об этом даже не поднималось вопроса! — прикладывал руку к сердцу, снисходительно улыбаясь, коренастый плотный Грейг. — Ведь до последнего времени наш флот и не выходил за рейд.

— Да, конечно, раз это было не нужно... А вдруг их эскадра с войсками подойдет к Севастополю?

— Зачем же ей идти к Севастополю?

— Как зачем? Говорят, так именно и пишут во всех заграничных газетах: цель войны, какую союзники себе ставят, — уничтожить наш флот и взять Севастополь!

Женщина с кроткими карими глазами, всецело занятая детьми, домашним хозяйством, визитами, сама Сулова, как и все дамы того времени, никогда не читала газет, считая это исключительно мужским занятием, как флотская или артиллерийская служба, как парады и выговоры, получаемые от начальства.

— А разве о том, что действительно хотят сделать наши враги, они будут кричать за несколько месяцев? — покоряюще мягко и снисходительно спрашивал ее Грейг. — Вот именно потому, что они кричат об этом очень давно, у нас и думают, что они или совсем никуда не пойдут, ограничатся одним шумом, или пойдут куда угодно, только не в Севастополь!

Этот довод оказался до того убедительным, что дамы, слушавшие вместе с Суловой Грейга, переглянулись.

— Конечно, только шпионы доносят противникам, что те один против другого задумали!

— И за это шпионов вешают!

— Хотя газетные писаки те же шпионы...

— Однако правительства Англии и Франции, наверное, не позволили бы им писать такое, если бы это была правда?

А Грейг продолжал уверенно:

— По нашим сведениям, у них, если исключить больных, наберется не больше пятидесяти тысяч. Это очень много для десантной армии: как можно высадить столько, у нас не представляют ясно, — но это ведь совершенно ничтожные силы для того, чтобы взять Севастополь!

— Я слышала, говорил муж, что в осажденной крепости один человек может и пятерым сопротивляться, — сказала Сулова.

— Да, это общепринято. Но ведь наш гарнизон может быть даже побольше тридцати тысяч, так что у нас думают, что к нам союзники не сунутся! — очень торжественно заключил Грейг, заслужив этим благодарные огоньки не в одних только кротких глазах Суловой.

Когда он говорил «у нас думают», то это значило, что думают в среде адъютантов светлейшего. Меншиков не терпел не только штабов, но даже и самого слова «штаб», и его молодые адъютанты, исполняя все штабные работы, вполне естественно считали себя «головкой» гарни-

зона Севастополя и всех войск Крыма. Впрочем, сын и внук знаменитых адмиралов, основоположников русского флота, штаб-ротмистр гвардии Грейг с детства знал о себе, что он рожден для блестящей карьеры, и привык с уважением относиться к своему уму.

Однако одна из дам, его окружавших, бойкая спорщица, капитанша Бутакова, вспомнила об английском парламенте, в котором обсуждались вопросы ближайших военных действий после того, как сухопутная русская армия князя Горчакова 2-го была в июне отозвана с Дуная, чтобы избежать военных действий еще и с Австрией, молодой император которой Франц Иосиф, по выражению царя Николая, «удивил мир своим вероломством».

— Я очень, очень хорошо запомнила это, — отчетливо заговорила Бутакова, сверкая белизной безукоризненных зубов, — в парламенте обсуждался только этот вопрос: идти ли им на Севастополь? И вот все, все они, все эти лорды Пальмерстоны, и Россели, и другие решили: непременно идти! Вот...

Она даже не сочла нужным договорить: вывод и без того казался ей ясен, — и кроткие карие глаза Сусловой снова обеспокоенно обратились на Грейга, но Грейг возразил веско, как взрослый в толпе детей:

— С нами воюет ведь армия, а не парламент! Мало ли чего хотелось бы парламентам, где сидят всякие рябчики!.. Я сказал «воюет», но ведь союзная армия ни разу пока еще не видела нас, а мы ее. Нам известно даже, что в армии союзников существуют большие несогласия среди командующих... А последний манифест Луи Наполеона вам известен? Вот этот манифест гораздо ближе к истине. Там прямо так и говорится: «Враги наши от Балтики до Кавказа не знают, куда мы направим решительный свой удар...» Видите ли, какая нам объявлена милость? Не знаем и не будем знать, пока удар не будет нанесен! Вот как сказано! Мы можем только догадываться, что не в Севастополь, а...

Высказать догадку эту Грейгу так и не удалось, потому что как раз в этот момент музыканты полкового оркестра, помещенные вместо хоров на деревянном помосте под потолком, грянули туш: командир Бородинского полка Вережкин-Шелюта 2-й почтительно встречал начальника своей 17-й дивизии, генерал-лейтенанта Кирьякова.

Знаменитый своим голосом, темно-малиновый от большого количества ежедневно выпиваемых крепких напитков, с голубыми бакенбардами и усами и с голым, как ладонь, черепом, низенький, но на высоких каблуках с гремучими огромными шпорами, всячески стремящийся поддержать о себе мнение как о боевом генерале-рубке, он прежде всего справился у Вережкина, передернув широкими ноздрями:

— Командующий будет?

— Обещался быть, ваше превосходительство... До его прибытия не откроем танцев... — заторопился ответить бравый видный полковник с тою приветливой улыбкой хозяина, которую как будто надел он на себя исключительно ради этого бала.

12 — Прибытия... хм-хм... прибытия! — прищурил пренебрежительно глаза Кирьяков, проходя в зал.

Что генерал Кирьяков взял себе за правило презрительно относиться к командующему силами Крыма, открыто разнося в кругу своих подчиненных каждую из его мер по обороне Крыма, это знал Веревкин, знал он и то, что за это Меншиков нескрывая ненавидит Кирьякова и давно бы сместил его, если бы только власть смещать начальников дивизий предоставлена была ему царем.

Стоявший в зале портрет именинника — наследника — был густо обвит гирляндами цветов, между тем как портреты императорской четы хотя тоже были украшены цветами, но заметно скромнее. Кирьяков, остановившись перед портретами, недовольно заметил Веревкину:

— Насколько я вижу, тут кто-то у вас умствовал, полковник, хм... А в таких случаях, доложу вам, требуется как можно меньше ума, но-о как можно больше трепета, — вот что-с!

Веревкин только наклонил скромно голову: этим занималась его жена, а он привык полагаться на нее даже в важных хозяйственных делах управления полком.

Новый встречный туш заставил его обернуться к дверям зала: вошел Моллер, тоже генерал-лейтенант, но старше Кирьякова по производству, уже довольно древний старик, весьма отяжелевший, с пушистыми кудерьками снежно-белых волос, получивший от Меншикова прозвище Ветреная Блондинка за то, что месяца два назад в депеше, полученной с семафорного телеграфа, «SO», то есть «юго-восток», принял, по незнанию морских терминов, за 50. Депеша была такая: «Неприятельская эскадра показала на SO». В ней не было ничего тревожного: небольшие неприятельские эскадры часто проходили в виду Севастополя, блокируя русские порты Черного моря, охотясь за каботажными судами. Но у Моллера при докладе его Меншикову получилось: «Показалась неприятельская эскадра в пятьдесят судов», — а это уж прозвучало тревожно: это могло даже означать близкую бомбардировку Севастополя с моря.

Окна собрания были открыты туда, в море, в лунную теплую ночь; двери, конечно, тоже были открыты, однако сквозняка не выходило, даже язычки свечей в люстре почти не колыхались. Проворные солдаты собрания, усатые и с бакенбардами в виде котлеток, но без бород, как это тогда полагалось, высоко подымая над головами подносы со стаканчиками сливочного, кофейного, ягодного мороженого, обносили им дам.

Ничего не надеялись узнать обеспокоенные замыслами союзников дамы ни от генерала Кирьякова, ни тем более от Моллера. Но вот вошли вместе два Аякса¹ флота: вице-адмиралы Корнилов и Нахимов,

¹ Аяксы — два легендарных греческих героя, упоминаемые в поэме Гомера «Илиада». Аяксы всегда были друг с другом неразлучны.

оба равного роста, высокие, узкоплечие, несколько сутулые, — мозг и сердце флота. Корнилов — в золотых аксельбантах генерал-адъютанта, отставших при движении от его впалой груди, с Георгием в петлице и Владимиром на шее. Нахимов — герой Синопа — с двумя Георгиями; оба русоволосые и светлоглазые. Старший летами — Нахимов — старший из флагманов флота; Корнилов же — начальник штаба флота. И дамы, со стаканчиками мороженого или с одними только кружевными веерами в руках, сейчас же окружили обоих.

Нахимов был убежденный холостяк, жил одиноко, тревоги дам были ему не совсем понятны, но, строгий на службе, имел мягкое сердце в быту. Обеспокоенных дам надо было успокоить, и, поворачивая то к одним, то к другим голову с низковатым покатым лбом, как на древних изображениях Александра Македонского, он говорил им:

— Ничего-ничего-с. Все идет как нельзя лучше-с, медам! Неприятель, как видно-с, все-таки побаивается нас и очень близко к нам подходить не желает-с!

— А как же, Павел Степаныч, какая большая эскадра союзная в июле стояла перед Севастополем целый день, — напоминали ему дамы. — Ведь она, разумеется, не зря стояла.

— Это четырнадцатого числа-с? — уточнил Нахимов. — Да-с, да-с, стояла... Что же из этого-с? Постояла и ушла-с. А мы на другой день закладку собора Святого Владимира произвели-с. Мы ведь не теряем присутствия духа-с. Они вздумали перед нами покрасоваться, а мы вот, видите ль-с, собор новый заложили-с... Мы их не боимся, нет-с!

Нахимов говорил это, не улыбаясь, однако и дамы переглядывались, не зная, как его понять: может, это была просто горькая шутка?

Несколько иначе говорил с дамами Корнилов. Смолоду любимец женщин, он сделался хорошим семьянином: никогда не отличавшийся крепким здоровьем, сам он привык беспокоиться о здоровье своих домашних, — но как начальник штаба флота, слишком много труда вложил в огромное дело устройства флота, поэтому больше отвечал беспокоившим очень глубоко его самого мыслям, чем окружавшим его дамам, когда говорил им:

— Только вчера около наших берегов крейсировало одно английское судно — пароход «Карадок». Я его долго наблюдал в трубу. Это было не просто крейсерство: это было судно-наблюдатель. Видно, наши берега изучались очень тщательно, им делали осмотр, какой следует. Мы не могли прощупать этот пароход с наших батарей, о чем я очень жалею... Да, и эта эскадра, которая нас посетила четырнадцатого числа, имела свои цели. Когда стемнело, она, конечно, ушла, но за день осмотрела все, что можно разглядеть у нас в трубы с приличной дистанции, на какой она держалась.

— Так вы думаете, Владимир Алексеич, что лучше, не теряя времени, уезжать из Севастополя? — по-своему понимали его дамы.

14 Но Корнилов пожимал узкими плечами, продолжая отвечать своим мыслям:

— Неоспоримых оснований так именно думать я все же не имею. Змеиный остров ведь на одинаковом расстоянии и от Севастополя, и от Одессы. Может быть, противник нацелился на Одессу.

— Оттуда их отобьет опять Щеголев! — сказала было одна из дам, но Корнилов поморщился.

— Ну что там Щеголев с его четырьмя пушчонками! Он, конечно, никого не отбил, это пустяки: союзники тогда высмотрели все, что им было надо, и ушли, чтобы теперь, например, высадить там десант. Одесса — город богатый и почти беззащитный. Кроме того, оттуда они могли бы выйти в Новороссию, отрезать армию Горчакова...

— Так что, это именно так и будет? Значит, они пойдут на Одессу? — спросили дамы.

— Не знаю, не знаю! Если бы мы вообще что-нибудь знали наверное! — поднял обе руки, как для защиты, Корнилов, и одна из дам заметила на это колко:

— Нет, Владимир Алексеич, что вы там ни говорите, а вы хорошо сделали, что отправили Елизавету Васильевну в Николаев!

Корнилов, не ответив на это, оглядел рассеянно поверх искусных и благоухающих причесок дам обстановку зала, заметил кое-что новое, временно внесенное сюда для украшения стен, и, слегка улыбнувшись, проговорил не в тон сказанному раньше:

— А-а, так значит, для бала в этом собрании наши новые сослуживцы отважились на некоторый ремонт! Знатно!

Действительно, бравый полковник Вережков-Шелюта, готовя собрание к своему первому балу, рассчитанному на большое число гостей, затратил много усилий, чтобы обставить насколько было возможно богаче и без того весьма богато обставленное Дворянское собрание.

Ведавший же всей хозяйственной частью устройства бала полковой казначей поручик Вержиковский заготовил большое количество бутылок шампанского и других вин, но на всякий случай в бакалейном магазине купца Носова, запертом со стороны улицы, дежурил приказчик, который мог бы значительно подкрепить этот запас.

Еще в начале августа стали привозить из окрестностей и благословенных долин небольших речек Бельбека и Качи десертный виноград лучших сортов, и теперь большие корзины чауша и шаслы стояли на стойке буфета собрания рядом с корзиной летних дюшесов и душистых зеленомясых дынь. И, глядя на все это искристое, цветистое, благоухающее великолепие, кто не мог бы мгновенно забыть о какой-то англо-французско-турецкой эскадре с огромным десантом, притаившейся против устья Дуная за плоским островом, на котором будто бы погребено было тело Ахиллеса¹, перенесенное от стен Трои матерью

¹ Ахиллес — один из главных героев поэмы Гомера «Илиада».

его Фетидой, — островом, в древности называвшимся Левке, 15
а теперь кем-то и когда-то зловеще названным Змеиным.

Так же точно за островом Тенедосом, лежащим против Безикской бухты, таился ахейский флот, готовясь к походу против твердынь Илиона. За Тенедосом, богатым вином, поджидал Агамемнон, вождь ахейцев, остроносые суда греков, полные воинов для десанта.

В Севастополе знали, что флагманский корабль английской эскадры, таившейся теперь вместе с французской за островом Змеиным, корабль, на котором держал свой флаг командующий эскадрой адмирал Дондас, носил звучное имя «Агамемнон».

II

— Вот посмотрите, господа, на эти часы — только по рассеянности в свои карманы не прячьте — и скажите, где здесь ключик, — говорил лейтенант Бирюлев, показывая плоские, обыкновенные на вид золотые часы группе молодых флотских офицеров в буфете собрания.

Лейтенант Астапов, склонный к полноте блондин, повертел в руках часы, посмотрел пристально на бретерское осанистое долгоносое лицо Бирюлева и сказал:

— Просто и ясно: ключик потерян.

— Все такого мнения, господа, что ключик потерян? — обвел глазами других Бирюлев. — Как будто все! Тогда смотрите. Вот я завожу часы!.. А вот я ставлю часы по часам этого собрания, так как у меня они позади на двенадцать минут.

И он передвинул стрелку так же без ключика, как и завел часы.

И часы, только что дошедшие в Севастополь из-за границы, пошли бы гулять по рукам, если бы Бирюлев не спрятал их в карман.

— Может быть, такие часы без ключика есть у всех офицеров союзного флота, — сказал Астапов.

На это Бирюлев ответил:

— Я думаю, что и у многих армейцев. Но вот еще какая новость техники: за границей начали будто бы делать бумагу из дерева.

— Как из дерева? Из какого дерева? — удивились все.

— А из чего делают бумагу у нас? — спросил Бирюлев.

— Из тряпок, кажется.

— То-то что из тряпок. Но это дорогая бумага, а там будто бы получается из обыкновенных бревен и очень дешевая.

— Каким же образом?

— Очень просто. Подвергаются бревна химической обработке, в результате получается прекрасная бумага.

— Вот оно что! — качнул головой лейтенант Холин, книжник и немного поэт. — Если с простыми карманными часами и с бумагой так обстоит дело за границей, то сколько же последних слов техники приготовили они для нас, грешных? А мы об этом и понятия не имеем.